

Анна Иванцова

УДАЧНЫЙ

Некоторые серийники не берут отпусков

СЕЗОН

Анна Иванцова
Удачный сезон

«Десятая Муза»

2022

УДК 84
ББК 82

Иванцова А.

Удачный сезон / А. Иванцова — «Десятая Муза», 2022

ISBN 978-5-00194-019-7

Что может быть лучше отдыха на даче? Свежий воздух, шашлык, купание, прогулки по лесу... Но для общества "Речное" дачный сезон превращается в настоящий кошмар: одно за другим происходят жуткие, леденящие кровь убийства. И убийцей может оказаться любой, даже сосед!

УДК 84
ББК 82

ISBN 978-5-00194-019-7

© Иванцова А., 2022
© Десятая Муза, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Иванцова

Удачный сезон

© Анна Иванцова, 2022

* * *

«Только беспрекословно следуя своим инстинктам, своим потребностям, своим желаниям можно пройти все стадии реинкарнации из жалкого убийца, в Истинного Маньяка с большой буквы».

Евгений Пузыревский, «Седьмое лето».

«Если ты ее действительно любишь, дай ей то, что ей больше всего нужно, не ставя никаких условий. И не жди за это награды».

Джон Ирвинг, «Правила Дома сидра».

Глава первая

Сверкающая бритва молнии вспорола тучу. Где-то позади птица, спугнутая резким раскатом грома, с пронзительным криком захлопала крыльями. От запаха сырого дерева и влажной земли в голову полезли странные, совсем не свойственные мне мысли.

Педали велосипеда крутились туговато, а руль капризно плясал в руках, норовя выскользнуть. На какое-то мгновение мне даже показалось, что управление не удержать. Неудивительно на такой-то дороге: гравий здесь очень крупный и неудобный не только для езды, но и для ходьбы тоже.

Снова громыхнуло.

Крупными каплями зачастил дождь. Тонкая летняя одежда вмиг промокла, а плечи покрылись гусиной кожей.

Справа и слева глухими стенами тянулись заборы, в основном металлические и редко – деревянные или кирпичные. Дачники полагали, что это – надежная защита от чужих глаз и непрошенных гостей. Наивные. Мне никогда не претило подсмеиваться над подобной глупостью или неосмотрительностью, особенно когда ложное чувство уверенности в собственной защищенности толкало людей на необдуманные действия, то есть прямоиком ко мне в руки.

Дождь все усиливался, отделяя меня от остального мира мутной белесой занавесью. Даже столь, казалось бы, эфемерная защита намного надежнее самого крепкого и высокого из заборов: никто не решится сунуться ко мне в такой ливень. Быть может, за это я и люблю дождь.

Впереди, в звенящих по гравию струях, замаячило темное размытое пятно. Завидев его, тут же останавливаю велосипед. Совсем ни к чему, чтобы меня здесь кто-нибудь заметил. Закапываю своего железного друга в заросли крапивы. Замираю, прислушиваясь. Из дома – а размытое пятно не что иное, как дом, – доносятся едва уловимые звуки музыки. Логично было бы не спешить, осмотреться ради осторожности, но я не делаю этого, ведь мне известно наверняка, что хозяйка сейчас у себя одна. Не зря же мне целую неделю пришлось наблюдать за ней, дни и ночи проводя на вершине высокого холма, который раскинул свои поросшие густой травой бока неподалеку от дачного поселка. Хоть у меня и имелось все необходимое – палатка, дождевик, запас воды и продуктов и, конечно же, мощный бинокль, – процесс знакомства с жизнью жертвы простым делом не назовешь. Во-первых, крайне сложно терпеть июльский зной с беспощадно палящим солнцем на открытом, да еще и возвышенном пространстве. Во-вторых, это небезопасно в том смысле, что поблизости в любой момент могут объявиться любопытные глаза. Плюс множество прочих досадных мелочей. Но мне не впервой. Тем более, эта игра того стоит. Еще как стоит...

Крадусь вдоль огороженного участка, но не к нужному дому, а к соседнему. Там забор невысокий, деревянный, через него перелезть труда не составит. А потом – прямоиком к цели: в гости к одной глупенькой красавице. Сегодня к ней никто, кроме меня, прийти не должен, потому что высокий блондин в очках, ее парень, уехал на заработки на юга, а родители все лето живут на своей даче в паре сотен километров отсюда. Друзей у Дины много, но все они в этом месяце разлетелись кто куда. Поэтому помешать мне может только случайность.

Да, я знаю о ней все.

Небо снова озаряется бледным электрическим светом, глухо, почти по-человечески стонет, изливая всю накопленную влагу безудержным плачем. А может, это всего лишь разыгралось мое чересчур живое воображение в предвкушении встречи, ради которой потрачено столько времени и сил. Дине придется постараться, чтобы порадовать меня.

Участок у нее небольшой, на глаз – сотки три-четыре. Да и зачем юной девушке целая плантация? Не будет же она свою молодость огурцам с помидорами посвящать. Дача ей нужна для отдыха от городской суеты и духоты, а не для работы. И это, как мне кажется, разумно. Не

в средние века ведь живем. Добрую четверть участка занимает глубокий бассейн, за которым уютно гнездится увитая декоративной фасолью резная беседка. Всюду пестреют цветы. Сажала их наверняка не Дина, но разве это важно, ведь все выглядит так аккуратно и мило.

Сам дом, разумеется, тоже.

Подхожу к усыпанному прозрачным бисером окну. Не заглядываю, просто впитываю окружающий сладковатый аромат флоксов и шафрана, усиленный прохладой и свежестью дождя, вслушиваюсь в еле различимый мелодичный голос – Дина поет. Жаль, нет с собой диктофона. Хотя вряд ли моя скромная техника смогла бы правильно передать эмоции поющей. Что уж говорить о моих собственных обостренных до предела чувствах... Таких приборов пока не изобрели.

Сейчас все кажется необычным: шум дождя оглушает, его скользящие влажные прикосновения вызывают почти физическую боль. А голос, почти незнакомый, но в этот момент самый близкий на свете, пробуждает во всем теле нечто беспокоящее, похожее на зуд. Переступаю с ноги на ногу – терпеть назойливое, словно насекомое, ощущение нет сил. И я все же заглядываю в мутное окно, чтобы отвлечься. Нельзя давать волю эмоциям. Все – после.

Дина в майке и коротких шортиках крутится перед зеркалом с расческой в загорелой руке. Тщательно расчесанные волосы пшеничной копной рассыпаны по спине. Если бы вместо меня в окно заглядывало солнце, они бы наверняка сверкали подобно золоту. Девушка всецело поглощена своим отражением и пением. Конечно, ей и в голову не приходит, что кто-то может наблюдать за ней, видеть, как по-девичьи мило движется в такт музыке округлая попка, обтянутая еле прикрывающей её тканью. Похоже, сейчас самое время проскользнуть в дом, поэтому мне приходится оторваться от этого зрелища.

Дверь даже не скрипнула, тут мне повезло, потому что подготовиться в этом плане возможности никакой не было: сделать дубликат ключа не получилось, а при Дине смазывать замок... явно не вариант.

Комнаты оказались чистыми и уютными. На столах – букеты из свежих лилий и ромашек, стены украшены фотографиями в рамках. Рассматривать их времени пока нет.

Да и зачем...

Стараясь не дышать, проскальзываю к кухонному столу. Это так приятно – работать тем самым ножом, которым Диночка совсем недавно отрезала себе хлеб или еще что-то. Открываю ящик стола. Если он скрипнет, будет очень плохо. Но все обходится благополучно. Как и всегда. Пора бы уже перестать быть параноиком.

Нож в ящике два. Интересно, каким из них пользовалась Дина, готовя утром завтрак? Гадать некогда, беру оба. Так будет интересней.

Девушка даже не оборачивается, когда в нескольких шагах от нее приоткрывается дверь. Мне в нос бьет запах духов – сладкий, ягодный, знакомый. Одна из самых дорогих марок. Очень подходит такой девушке, как Дина.

Какое-то время – кажется, целую вечность – я просто смотрю на свою жертву. Длинные стройные ноги с ногтями, покрытыми нежно-розовым лаком, особенно приковывают взгляд. Загар на них ровный, неестественно оранжевого оттенка, только это и неприятно.

– В солярий ходить вредно, – вдумчиво говорю, сунув ножи за ремень джинсов, под футболку, Девушка от неожиданности подсакивает, роняя расческу.

– Ты... что тут делаешь? – выпаливает, таращась на меня так, как будто перед ней – заговоривший вдруг шкаф.

Улыбаюсь как можно приветливей:

– Загляну, думаю, по-соседски. От дождя заодно спрячусь. Вон как погода испортилась.

– Кто так делает-то? Я же испугалась! – с укором изрекает Дина, будто сей факт мог быть мной не замечен.

Улыбаюсь еще шире, отлично понимая, как по-дурачки сейчас смотрюсь. Так и надо. Ведь нет лучше способа ослабить чужую бдительность, чем выглядеть полным кретином. Тем более, я хочу в полной мере насладиться общением, чтобы как можно глубже запечатлеть воспоминания о сегодняшнем дне. Да и некрасиво будет, если я приступлю к делу, даже не поздоровавшись.

– Извини, пожалуйста. Просто там так льет... – говорю как бы в оправдание, делая лицо смущенным и проводя ладонью по мокрым волосам. Даже краснею немного. Дина чуть расслабляется, в ее взгляде появляется нечто, похожее на сочувствие. Я же виновато молчу. А по щекам сбегает крупные капли, так похожие на слезы. У любой девушки дрогнуло бы сердце.

– И все-таки, стучаться надо, – уже менее недовольно говорит Дина. Я тычу пальцем в заливающийся очередным поп-хитом магнитофон.

– Ты не услышала стук. Кстати, это моя любимая песня, – вру, смущенно улыбаясь. Последняя тень недоверия сходит с симпатичного загорелого лица. Сработало.

– Может, чаю тогда попьем?

– Неудобно как-то... – снова вру, очень правдоподобно, кстати. Ведь ложь – неотъемлемая часть моей жизни. К тому же, большая.

Дина ловко проскальзывает мимо меня на кухню ставить чайник. Я успеваю ощутить щекочущее прикосновение волнистых надушенных волос. Живот сводит сладкий спазм предвкушения. Тупо таращусь на перебегающие туда-сюда босые ноги. Почему-то хочется коснуться кожи, узнать, какая она – теплая или прохладная, нежная или бархатистая. С чего бы? Сексуального интереса к жертвам у меня не бывает. Отгоняю нахлынувшие странные мысли, пытаюсь сосредоточиться на играемой роли. Не хотелось бы все испортить. Слишком сложно начинать сначала и искать другую жертву.

Дина наскоро собрала незатейливую трапезу: два бутерброда с плавленым сыром, нарезанные кружочками огурцы, наверняка сорванные с родительской грядки, печенье.

Ну и, конечно, чай.

Раньше меня посещала мысль, что можно незаметно подсыпать чего-нибудь в питье, но тогда возникло бы множество самых разных сложностей, начиная с того, что, сколько ни старайся, далеко не каждая девушка станет предлагать случайному гостю чай. Даже с учетом того, что я стараюсь выбирать добрых и простосердечных барышень, привыкших доверять людям, тем более таким обаятельным, как я. Еще вопрос заключался в том, что именно подсыпать. Если использовать простое снотворное, то риск возникновения всяких эксцессов многократно возрастал, потому что пришлось бы ждать действия лекарства. А обзавестись сильнодействующими препаратами у меня возможности, разумеется, нет. Но все эти детали не самое главное. Главное же то, что девушки в бессознательном состоянии малопривлекательны. Конечно, работать с ними куда проще, но вот сам процесс как бы теряет смысл, становясь безвкусным и... пустым, что ли. А все ведь и делается ради того самого смысла. В моем деле абсолютно все наполнено значением, все подчинено особой цели. Поэтому и максимально рассчитано. Люблю точность. Оттого и предпочитаю работать, так сказать, живьем.

За окном то и дело взрывается мир. День превращается в однородную серую массу. Нет больше деревьев, цветов, бассейна, соседних домиков. Есть лишь мы двое, отделенные от этого блеклого небытия. В наших чашках – горячий чай с лимоном, из смежной комнаты доносится приглушенное пение старой немецкой рок-группы. Мы разговариваем о каких-то глупостях, иногда посмеиваемся. Я наслаждаюсь каждым мгновением, каждым вздохом, каждым, даже самым незаметным, движением.

Рассказываю Дине кое-что о себе, упоминая наших общих знакомых из дачного общества. Для большего доверия, для укрепления нашей, пусть и недолгой, связи. Моя подготовка к делу безупречна, что вызывает чувство гордости. А нескончаемая ложь тонкой паутиной окутывает собеседницу. Она и у умного и внимательного человека ни на секунду не вызвала бы

подозрений, что уж говорить о глупенькой наивной девочке. А все потому, что каждое мое слово соткано из множества действительных, вызванных немалым трудом фактов. То по сути и есть правда, только подогнанная специально под меня, как сшитая из старых лоскутов новая рубаха.

А рассказываю я, что наш дачный участок находится в соседнем проулке, упоминаю некоторых знакомых, например тетя Зою, одинокую пожилую даму с причудами. Она полет грядки с раннего утра до позднего вечера и постоянно скандалит с соседями, перевесив массивные груди через низкий заборчик, крича, что напишет в суд, если те не будут лучше у себя полоть. Ведь вся их трава летит к ней! Смеемся. Это меня радует. Не зря, значит, пришлось пообщаться с этой чокнутой. Все негативное, неприятное всегда можно использовать с выгодой для себя.

Жаль только, что разговор ускоряет время, когда так хочется его замедлить.

Тут раздается резкий высокий звук – звонит Динин мобильник. Девушка легко вспархивает с места, бежит к надрывающемуся писком гаджету, даже не подозревая: это последнее, что она делает в своей жизни. Да еще и дверь в комнату закрывает, чтобы спокойно поболтать. Словом, сама предоставляет мне возможность подготовиться.

Встаю, тихонько подхожу к кухонному столу, достаю нож, которым Дина только что нарезала хлеб. А те, что были спрятаны у меня под одеждой, кладу на место, тщательно обтерев рукоятки футболкой, чтобы не забыть сделать это потом.

Рассматриваю выбранный нож. Лезвие в пальцах – длинное, острое, – кажется, светится изнутри, будто призывая меня поторопиться. И не зря: слишком уж долго мы беседовали. Возвращаясь на стул, прячу нож между напряженных колен, согревая прохладный металл своим теплом, оставляя на нем следы своей плоти, которые в решающий момент проникнут в кровь Дины, соединяя нас навсегда.

Вот, кстати, и она. Вбегает радостная, сияющая, как украденный непогодой июльский полдень. Надо бы узнать, что ее так обрадовало, но это, пожалуй, слишком личный вопрос. Внутри шевельнулась проснувшаяся змея волнения, заскользила холодным брюшком по венам: а вдруг кто-то сообщил девушке о скором приезде? От такой мысли ладони становятся влажными.

Капли дождя быстро, словно чьи-то нервные пальцы, барабанили по стеклу. А кажется, что прямо по моей коже.

Дина садится напротив, берет еще теплую кружку чая, улыбаясь смотрит в мутное окно.

– Что-то дождь никак не уймется, – говорит тихо и задумчиво, теребя прядь волос. Я киваю, пытаюсь угадать ее мысли по голосу, по движениям. Не выдерживаю неизвестности, спрашиваю:

– Я, наверное, мешаю? Ты ждешь кого-то?

– Да, кое-кто должен заехать.

– В такую-то погоду? – очень естественно удивляюсь.

Дина неопределенно пожимает коричневатými плечами.

– Денису всегда было плевать на погоду, по любой гоняет на своем мотике.

Завистливо вздыхаю. Мотоцикл – моя детская мечта. Велик есть велик, пусть и неплохой. Ему никогда не сравнится с чудом, дарящим ощущение свободы и полета. И сейчас кто-то на этом самом чуде может разрушить все мои планы. Причем совершенно непонятно, кто именно и как так вышло, что он не попал в поле моего наблюдения. Денис, Денис... Кто же ты? Все эти чертовы мобильники!

Дина явно сгорает от нетерпения. А я – от злости. Сколько сил ушло на подготовку! Ни за что не уйду просто так! Пальцы крепко вцепляются в рукоять ножа, затаившегося под цветастой скатертью. Понимаю: сейчас и только сейчас!

Когда лезвие резким, сильным ударом пробивает смуглое горло, глаза Дины все еще лучатся тихим мечтательным светом. Я придвигаюсь почти вплотную, и судорога, волной про-

катившаяся по телу девушки, отражается в каждом моем мускуле. Дина пытается вскрикнуть, но лишь слабый всхлип срывается с приоткрытых губ. Нож пробил трахею, как и было задумано. Мне уже приходилось наносить такие полезные, с точки зрения моей безопасности, раны. При удачном раскладе жертвы впадают в ступор и дарят мне несколько драгоценных секунд на подготовку к возможному дальнейшему отпору. Дина не становится исключением. Пальцы ее лихорадочно шарят вокруг сочащейся алым дыры. Часть вдохнутого воздуха со свистящим звуком вырывается обратно. В глазах – немой вопрос, еще даже не ужас. Сейчас девчонка больше ошеломлена происходящим, чем страдает от боли. С некоторыми так бывает. Тем более неожиданность – мой конек. Без нее ни одного убийства просто не состоялось бы.

Быстрым движением отталкиваю ее пальцы. Нельзя дать жертве опомниться, иначе инстинкт самосохранения превратит слабое девичье тело в сильнейшего и, пожалуй, непобедимого для меня противника. Сейчас дорога каждая доля секунды. Новый, еще более стремительный удар, на этот раз в грудь, прижимает Дину к стене. Она издает странный, вызывающий у меня еще больший азарт, писк. Третьим и четвертым ударами опьяневшее от крови лезвие разрывает кивательные мышцы шеи, отчего намокшее от брызнувших слез лицо бесильно падает на грудь. Зато руки, до того тщетно пытавшиеся прикрыть тело, начинают дико метаться в попытке ухватить злополучное лезвие, чтобы прекратить нападение. Но я ловко отвожу руку, ведь девушка уже не может видеть меня. Наконец, когда эта жуткая игра в слепого ловца мне наскучивает, я крепко хватаю еле живую Дину за плечи, скользкие от крови, и сталкиваю с потемневшего стула на пол. Хрипы и бульканье мешаются с бешеным стуком дождя и гулкой пульсацией крови у меня в висках. Умиравшая слабеет с каждой секундой. Тонкое, еще совсем недавно красивое тело сотрясают последние судороги. Я просто сижу рядом, глядя одной рукой слипшиеся, ставшие багровыми волосы. Другой же на всякий случай сжимаю нож: разное может случиться, когда холодные пальцы смерти заботливо отключают условный и порою так мешающий механизм под названием разум.

Так однажды, когда казалось, что жертва уже мертва, обезображенное, заляпанное кровью тело – пустое, с навеки уже угасшим огоньком мысли – вскочило, заметалось, протянув вперед скрученные судорогой руки, даже зацепило меня одной из них. Признаться, у меня в тот момент от страха чуть сердце не разорвалось! Но такой вот жуткий опыт научил меня быть внимательней и ждать любых сюрпризов. Но это – позже. А тогда ужас лишил меня разума, и я очень смутно помню, как остервенело мой нож кромсал уже окончательно сдавшуюся плоть, как после, когда вокруг валялись, поблескивая, жуткие неровные фрагменты тела, меня не раз выворачивало наизнанку...

Но Дина, как в жизни, так и в момент умирания, не проявила особой активности, полностью оправдав мои ожидания.

До предела напряженный слух не ловит больше никаких звуков, кроме тихого свиста ветра в щелях. Такое чувство, что биение дождя прекратилось вместе с пульсом Дины. Это к лучшему: меньше шансов упустить чьи-нибудь приближающиеся шаги.

Но прежде чем приступить к главному, нужно решить уже существующую проблему – приезд какого-то там Дениса. Интересно, кто он? Парня Дины зовут Сергей. Мне много раз случалось видеть его в бинокль, а один раз – вблизи, на берегу с удочкой. Как бы там ни было, следует поторапливаться.

Прохожу в комнату. Хорошо, что ноги не запачканы кровью, возиться с чисткой было бы непозволительной тратой времени. Беру по-девчачьи розовый мобильник. Последний входящий вызов обозначен как «Дэнчик школа». Если Дина не была конспиратором, все более-менее прояснилось. Провожу по дисплею пальцем влево, чтобы отправить sms. Торопливо тычу в сенсорные клавиши, оставляя на них мутные бурые отпечатки. Это не страшно, после работы я всегда тщательно убираюсь. Жму «отправить». Скоро некий Дэнчик прочитает: «Родители приехали, не приезжай, позвоню позже, пиши если что». Коряво, но по делу. Несколько секунд

тупо смотрю в экран, жду. Когда в ответ приходит пустое «Ок» с грустным смайликом, сую телефон на всякий случай в карман и возвращаюсь к своей мертвой подружке. Теперь нам никто не должен помешать.

Лужа крови под ней заметно увеличилась. Нужно действовать быстро, не хочется прикасаться к остывшей плоти. Мне никогда не нравились покойники.

Присаживаюсь на корточки, переворачиваю тело лицом вверх. Широко распахнутые слепые глаза устремляются прямо на меня. От немигающего бессмысленного взгляда лоб мой покрывается испариной. Не от страха или чувства вины, вовсе нет. Только от мысли, простой и, может, даже глупой: труп смотрит совсем не в пустоту, он смотрит именно на меня, но... не видит. Как будто это меня, а не Дины больше не существует в этом мире. Эта странная мысль причиняет почти ощутимую боль. Тру глаза, пытаюсь прогнать проклятое наваждение. Не помогает. Плохо, такое со мной уже не впервые. Ощущение пустоты, безысходности почти завладевает сознанием, превращая меня, всю мою сущность, в пыль. В тлен. В ничто. Меня мутит, но я все же вспоминаю средство борьбы, помогшее уже пару раз. Рука нашаривает рядом рукоять ножа. Когда острое лезвие выкалывает один мертвый глаз, становится значительно легче. А когда ко мне обращаются уже две кровавые дыры, я нахожу в себе силы даже усмехнуться.

– Я-то здесь, а вот ты – уже нет, – зачем-то говорю трупу, уродливому, теперь совсем не похожему на прелестную девушку, с которой мы пили недавно чай и слушали шум дождя. Но что-то все же завораживает в этой гряде плоти. Конечно же, это волосы... Правда, наполовину потерявшие красоту из-за заляпавшей их крови, потемневшие, слипшиеся и жалкие. Но я отлично помню их солнечный блеск в невзрачной серой комнате, их пышные пшеничные волны. Воображение тут же помогает памяти, рисуя, как эти чудесные, наверняка очаровавшие немало парней пряди ласково ерошит ветер. Видение настолько захватывает меня, что нож выскальзывает из пальцев. Звук, вызванный падением, возвращает меня к действительности.

Встаю, ищу глазами какую-нибудь подходящую посудину. Тазик или большую миску. Ничего не найдя, беру еще теплый чайник. Придется сработать несколько грубей, чем планировалось, но не менее эффективно. Мою, насколько позволяет поза трупа, волосы. Хорошо хоть мыло долго искать не пришлось. Кровь размазывается, стекает бурными струйками на светлый пол, заражает мыльную пену неприятным глазу сукровичным цветом. Воды в чайнике не хватает, приходится кипятить еще. Но я не волнуюсь, наоборот, получаю удовольствие. Мне всегда нравилась подобная возня.

Когда чайник, забулькав, отключается, разбавляю кипяток бутилированной водой и домываю трупу голову. То, что волосы мокрые, облегчает дальнейшую работу. Достая из заднего кармана джинсов приготовленную расческу, осторожно, будто обладательница волос еще жива, разбираю спутанные пряди, сплетаю их в ровную, красивую косу. Закончив, удовлетворенно разглядываю прическу. Дине бы она наверняка понравилась. Снова беру нож. Можно было сначала отрезать волосы и плести уже в более спокойной обстановке, но это не принесло бы мне того сильного, похожего на экстаз чувства, когда острое, созданное, чтобы разрушать, лезвие вибрирует в напряженных добела пальцах, отделяя моими собственными руками созданную красоту от головы... Тогда все тело напрягается, веки подрагивают, и так приятно сводит живот...

Окружающие звуки становятся далекими, слабо уловимыми, так напоминающими что-то, но что именно – не понять. Когда последний волосок рвется под блестящей сталью, из моей груди вырывается стон блаженства. А из глаз почему-то катятся слезы...

Зажатая в руке коса почти не растрепалась. Это радует. Это как победа, одержанная благодаря старанию и опыту. Заворачиваю новообретенную драгоценность в свой шейный платок, с трепетом прячу в специально для этого пришитый на внутреннюю сторону футболки карман. Через тонкую ткань тут же проступает влажное пятно. Но дождь (когда он только снова

успел припустить?) все спрячет. Он – самый надежный мой друг. У нас уже столько общих секретов...

Но работа еще не окончена. Беру уже ставшую прохладной ладонь. Тщательно мою. Достаяю из кармана маникюрные ножницы. С хорошим нажимом провожу острием по краю ногтя, прилегающему к коже. Стираю выступившую кровь. После чего просовываю лезвие уже под ноготь, продвигаю глубже, чтобы тот отделился от пальца. Придирчиво осматриваю: не повредился ли? Удовлетворенно киваю. Длинный, выкрашенный нежно-розовым лаком, с указательного пальца правой руки, он идеально подходит мне. Заворачиваю добычу во взятую со стола цветную салфетку, прячу в тот же тайный карман.

Теперь дело за малым: нужно очень и очень тщательно прибраться. Хорошо, что не возникло никаких неприятностей и я отлично помню каждый предмет, которого касались мои пальцы. Всегда в таких случаях благодарю мать за привитую мне педантичность.

Глава вторая

– Ой, Лидочка Степановна! Как же у вас за месяц-то все заросло! – преувеличенно сокрушенно заохала Галина Петровна, заглядывая за невысокий, аккуратно выкрашенный светло-голубой краской забор, отделяющий ее участок от соседского. Она хоть и считала себя незлобивой женщиной, никогда не упускала возможности указать на чужие недостатки, особенно когда дело касалось Лидии, которая, по ее мнению, являлась непомерной чистюлей и вредной. – Тайка-то что, совсем не помогает?

Лидия Степановна, строгая дама с короткой стрижкой и чересчур бледной кожей, никогда не знавшей косметики и, похоже, не способной принимать солнечные лучи, едва взглянула на надоедливую соседку.

– Таисия еще не приезжала. У нее практика в университете, – холодно изрекла она, нетерпеливо обрывая с куста малину. Она бы и вовсе не отвечала Галине, но была твердо убеждена, что неприлично молчать, когда к тебе обращаются, даже если речь шла о глупых и прилипчивых людях вроде соседки.

Галина Петровна понимающе закивала, беглым взглядом окидывая стену малиновых кустов, оценивая, долго ли возится Лидия; может, предложить ей помощь и между делом поговорить о том о сем? Такие дела ведь творятся! Но, к ее искреннему удивлению, на ветках почти уже не осталось ягод.

– Похоже, с самого утра собираете, – деловито заговорила женщина, не желая сдаваться. Уж очень ей хотелось узнать, почему это соседка целый месяц не приезжала на дачу. Такой ведь замечательный июнь нынче выдался! Клубникиросло столько, что собирать только и успевай, чтоб птицы не поели. Каждый день дышал теплотой и лаской, не то что в этом месяце.

Лидия Степановна поджала тонкие губы. Длинные пальцы быстро и ловко обрывали с ветвей яркие и крупные ягоды, бросали в стоящее у ног ведро. Женщина была не в настроении, но это никак не отражалось на методичность работы.

– С утра, – нехотя ответила она, понимая, что Галина просто так не отстанет. Уж лучше поговорить с ней сейчас, чем терпеть ее напрашивания на чай потом. – В шесть начала.

Нарисованные брови соседки уползли под шляпу.

– В шесть?! Батюшки, Лидочка, что ж так рано-то? Ну вы и жаворонок! А работали-то как долго! Уже ведь три часа!

Каждое восклицание она сопровождала всплескиванием пухлых рук, на что Лидия Степановна лишь снисходительно улыбнулась, не разжимая губ.

– Лучше дело доделывать сразу, не откладывая. Ко всему нужно относиться серьезно.

– Даже к малине?

– Да. Даже к малине.

«Вот же дуреха, даром что училка, – мысленно покрутила пальцем у виска Галина. – Хотя чем ей, одинокой бабе, заниматься? Мужика нет, дочь выросла, учится. Так одной и со скуки помереть недолго! Вот и бежит огородничать, чуть солнце встало».

А вслух сказала, широко улыбаясь:

– А июнь-то какой был! А вы и не приезжали! Вся клубника, поди, погнила.

– Я лечилась, – не отрывая глаз от ветки, отозвалась Лидия. На эту тему ей хотелось говорить меньше всего.

– Ой, – искренне испугалась Галя, которая больше всего на свете боялась больниц, врачей и всякого такого. – В больнице лежали? Серьезное что?

– Нет, всего лишь давление скакнуло.

«Врет поди, – подумала Петровна, – с кризом месяц не держат».

– Бедняжка! Так малину ж тогда вам кушать нельзя! – снова всплеснула она руками.

– Ничего, варенья наварю, родственникам раздам, их у меня много.

Признаться, тут Лидия Степановна кривила душой. Потому что незачем каждому знать, что кроме дочери Таисии да кота Борьки в ее жизни – больше никого. Нет, родственники, конечно, были: братья, старый-престарый дядя да мачеха, которой, должно быть, перевалило уже за сотню лет. Но Лидия не общалась с ними добрую половину жизни. Не потому что была такой стервой, просто... Так уж вышло. Иногда жизнь все решает за нас, совершенно не заботясь о том, чего мы хотим.

Лидия глубоко вздохнула. Тонкая ярко-красная струйка зазмеилась по бледным пальцам, торопливо поползла по руке.

Петровна внимательно наблюдала, как падают в уже почти полное ведро крупные малины; ни одна не помятая, будто пальцы женщины отрывали их от родной ветки вовсе не для того, чтобы с помощью мясорубки превратить в бесформенную массу.

– Слушай, Лида, а ты Сойкиных знаешь? – как-то вдруг посерьезнев спросила Галина, забыв об официальном «вы».

Лидия, наконец, обратила к ней прохладный по-осеннему взгляд. Не свойственная соседке интонация заинтересовала ее.

– Сойкины? – переспросила она, мысленно пробежаясь по длинному списку знакомых фамилий. – Это те, у которых дочь на отдельной даче живет? – В ее голосе зазвенела сталь. Непорядок, когда родители всячески потакают капризам своих чад, тем более в таких серьезных вопросах, как покупка недвижимости. Ну зачем, скажите на милость, девчонке, которая только окончила школу, собственная дача? Ничего хорошего из этого не выйдет, Лидия Степановна была в этом уверена.

– Да, да, те самые, – торопливо закивала Галина, отчего-то бледнея.

– Ну и?

– Убили Динку несколько дней назад, ты знаешь?

Сорванная ягода выпала из пальцев Лидии, заалела размазанным пятном в траве.

– Нет, нет... Я же только вчера приехала, – выдохнула она, будто была не в силах принять услышанное. Перед глазами тут же возникло улыбочное лицо светловолосой девочки, которая была всего на несколько лет младше ее Таисии.

– Вот такие дела, – грустно ответила Галя, теребя попавший под руку желтый цветок. Ей всегда было непросто говорить о смерти, но молчать – еще сложнее. – Прямо на даче и убили. Да как жестоко, как жестоко, господа... – Голос ее прервался жалобным всхлипом, после чего она добавила: – Ко всем полицейские приходили, спрашивали, кто что видел. Да толку...

Лидия отставила в сторону ведро, подошла к соседке, легко опустила руку на поникшее плечо.

– Ты зайди ко мне, Галочка, – как можно ласковей позвала она, – чаю попьем. Что мы тут, через забор-то...

Спустя несколько минут они уже пили горячий смородиновый чай. Добрым, успокаивающим теплом заполнял он тела, отогревал вдруг озябшие души. Обе женщины были матерями, а для любой матери ничего не может быть страшнее, чем смерть ребенка, пусть и чужого, почти незнакомого. А Дина была именно ребенком, хоть так пыталась казаться взрослой.

Лидия Степановна глядела в окно, за которым все так же весело играл летними красками равнодушный к человеческим бедам день.

– И кто только мог такое совершить? – тихо спросила она то ли себя, то ли шмыгавшую носом Галину.

Та горько покачала головой.

– Кто ж знает... Говорят, ищут.

– Ищут, – с ноткой недоверия повторила Лидия. – У общества ведь охрана есть, плату за нее хорошую берут, а такое творится.

– Ох, Лида! Да что с этой охраны толку? Сидят в своей будочке, чаи гоняют и зарплату получают. Да и не ходить же им по всем участкам, спрашивая, все ли в порядке. Лето ведь, народу везде полно, воры не ходят. Другое дело зимой.

Лидия отпила из чашки. Вдохнула.

Помолчали, размышляя каждая в своем. Галя – о Тане Сойкиной, Дининой матери, с которой они хорошо общались, можно сказать, даже дружили. Теперь женщину увезли в больницу с инсультом. А завтра ведь похороны... Галя и представить себе не могла, как Таня будет жить дальше, если еще оклемается, без своей горячо любимой девочки, своей единственной отрады. Стало страшно. Да так, что хоть кричи. У самой Петровны было трое сыновей. Старший четыре года назад женился. И без каждого из них она не могла представить своей жизни. А Дина у Татьяны одна. Была одна... Ничто не расскажет о человеке лучше, чем прошедшее время: родился, женился, умер.

Был...

Лидия же размышляла о том, что не мешало бы обзавестись собакой. Она не очень любила домашних животных: шерсть, лишние траты и все такое. Но собака – отличный охранник и защитник. И Таисия была бы на седьмом небе от счастья, она всю жизнь мечтала о пушистом друге.

«Странно, почему я об этом думаю? – одернула себя женщина. – Чего мне бояться? Кому я, старуха, нужна? Да и с чего решила, что убийства будут продолжаться?»

Ответом было лишь странное сосущее чувство тревоги, которого цепкий и рациональный ум учительницы не мог объяснить.

Тут повисшее молчание нарушил тихий, но вполне явный звук – дробь быстрых, приглушенных травой шагов. Женщины одновременно прислушались.

Дверь распахнулась, впуслав в комнату яркий сноп плавающих в солнечном свете пылинок и высокую девушку с большим рюкзаком за плечами.

– Привет, мама, – улыбнулась она Лидии Степановне. – О, и тетя Галя здесь! Здравствуйте!

Лидия сдержанно поприветствовала дочь кивком, осведомилась:

– Почему не позвонила? Я не знала, что ты приедешь.

Девушка неторопливо прошла вглубь комнаты, стащила с затекших плеч рюкзак, поставила у дивана, где сидела Петровна, уселась рядом.

– Целый день звонила, – ответила она, с прохладой глядя на мать. – Ты трубку не брала.

Учительница мысленно отругала себя за глупость: она действительно забыла взять с собой мобильник, уходя собирать малину.

– Как практика, Таечка? – подала голос пришедшая в себя Галина.

– Да ничего, – отозвалась девушка, – вполне обычная скукота. Универ мыли, общагу, садили кусты какие-то.

Соседка заговорщицки улыбнулась: ее дети тоже всегда так говорили.

Лидия Степановна подала дочери чашку чая.

– Что значит скукота? Это же так приятно – деревья сажать, в порядок родной университет приводить, – назидательно проговорила она, пристально глядя на дочь, будто пытаясь рассмотреть ее мысли. Та же неопределенно пожала плечами и отпила чай.

– Ну, может.

– Тай, а ты Дину Сойкину зна... – начала было Галина, но суровый взгляд Лидии заткнул ей рот не хуже крепкого мужского кулака, сунутого под нос.

Таисия чуть приподняла бровь. Удивилась, наверное, чего так мать сердится, подумала Петровна.

– Знаю, а что?

– Ничего. Галина Петровна просто... – вмешалась было мать, но соседка быстро перебила ее:

– Пойду-ка я лучше, девчонки. Мне еще картошку окучивать... – и, не прощаясь, вышла. Она хорошо знала: при Лидии Тайке и сказать-то ничего нельзя, будто та дите малолетнее, а не крепкая рослая девка, которой бы уж и замуж пора. Да и без заскоков, в отличие от матери.

– Что это с ней? – спросила девушка, задумчиво глядя на закрывшуюся за соседкой дверь. – Обычно ее и палкой не выгонишь.

Лидия недовольно поджала губы, уставившись в какую-то видимую лишь ей точку.

– Ты пей, пей чай, – сухо отмахнулась она от дочери. – И не выражайся, не о ровеснице говоришь.

Тая угукнула, в два больших глотка осушила чашку, легко подхватила увесистый рюкзак и отправилась в свою комнату, нервно расплетая на ходу короткую, но толстую и аккуратную косичку.

Глава третья

Ночь была беспокойной. Небо то и дело вспыхивало немymi зарницами, на короткие мгновения выхватывая из темноты шевелящиеся призраки деревьев и кустов. Шумел и гремел всем, до чего мог дотянуться, ветер. Где-то заливалась лаем растревоженная воцарившимся беспокойством собака. Явно надвигалась буря.

Лидия заперла дверь, наглухо закрыла все окна, несмотря на духоту. Дочь провожала внимательным взглядом каждое ее движение, но ни о чем не спрашивала, знала, что бесполезно: мать все еще относилась к ней как к несмышленому ребенку и не считала нужным посвящать ее во «взрослые» вопросы. И доказать обратное – как и вообще что-нибудь доказать – этой жесткой и упрямой женщине было попросту невозможно. Она никогда никого не слушала, кроме самой себя.

Вздыхнув, Таисия раскрыла книгу и с головой погрузилась в увлекательный приключенческий роман, оставив мать наедине со своими мыслями и переживаниями.

А Лидия Степановна, приняв лекарство для сердца (из-за которого она и провела в больнице целый месяц), решила, наконец, что все дела на сегодня закончены и тоже взялась было за книгу, но, бегло просмотрев пару страниц, устало закрыла ее. Голова гудела, хотелось только одного: поскорее заснуть. Но сон не шел, уж очень напряженным выдался день. Полдня ушло на сбор малины. Таисия так неожиданно приехала. Да еще это нелепое, ужасное убийство... Галина рассказала ей все, что знала: про то, что мать девушки увезли в больницу с инсультом, и про жуткие увечья, нанесенные убитой.

А еще то, что убийца проник в дом за дорогим, кажущимся надежным забором, не в абы какой. Замок на высоких металлических воротах остался цел, соседи ничего подозрительного не видели и не слышали. Будто не человек, а призрак совершил открывшийся несчастной матери ужас.

В доме, как сказала Галина, – почти идеальная чистота, если не считать бережно, будто в издевательство, укрытого покрывалом трупa. Если какие-то следы борьбы и были, то их умело уничтожили. Как же соседи, которые в день убийства находились на своих участках, не слышали никаких криков? Дачное общество ведь не город, слышимость здесь прекрасная, все все друг про друга знают. Напрашивалась мысль, что девушка была знакома с убийцей и сама впустила его в дом.

Женщина вздрогнула от оглушительного – будто кто-то разрушил стену из кирпичей – раската грома. Сердце предательски дернулось в груди. Похоже, лекарство еще не подействовало.

«Или не помогут тебе никакие лекарства, старая карга, – неприятно прошелестел где-то на краю разума холодный вкрадчивый голос. Как и Игорю не помогли».

Перед глазами тут же возникло широкое лицо. Гладко выбритое, доброе, родное. Лидия устало прижала ладони к вискам и зажмурилась, отгоняя наваждение.

– Царство небесное, – выронили пересохшие губы в пустоту. Женщина опустила на кровать, отвернувшись лицом к стене. Минуты – а может быть, и часы – противной липкой массой вытягивались в дрожащие белесые нити, точно жвачка, прилепленная к учительскому столу каким-нибудь двоечником, напрягая нервы, не позволяя расслабиться и заснуть. Да и развеселившаяся от ночной темени непогода хохотала громогласным, не сулившим ничего хорошего смехом, с каждым раскатом которого женщина вздрагивала. Успокаивало только ровное, глубокое, ничем и никем не тревожимое дыхание заснувшей за чтением Таисии.

«Молодость, – печально вздохнула Лидия, – ничем ее не проймешь. Спит без задних ног прямо с книгой на груди. Не стану будить. Пускай побудет здесь эту ночь. И ночник оставлю».

В щелях тяжело завывал ветер, будто тоже жалуясь на бессонницу и старость. За окном, также вечно бессонное, плакало небо.

Наконец, все мысли насытившимися комарами отлетели в ночь, уступая место доброму, исцеляющему забвению, полному таких же воспоминаний, из которых и складывается пазл жизни.

Лидии вспомнился муж, ныне покойный Игорь. Как познакомились, полюбили друг друга, поженились. Плохо без него, тяжело. Даже такой сильной женщине, как Лидия. Хотя и тогда, до Игоря, она была сильной и ничего ведь, жила.

Родители ее были строгими, даже чересчур. Эту их черту она впитывала в собственный характер, наверное, с пеленок. Может быть поэтому ее, уже взрослую, парни как-то обходили стороной, хоть Лида и была, как говорится, комсомолкой, спортсменкой и просто красавицей. Особенно для родителей, которые взращивали такую всеми своими силами. Особенно для матери, пытавшейся воплотить в дочери все то, чего не получилось достичь самой. Но едва Лиде исполнилось шестнадцать, она тяжело заболела и вскоре умерла. Отцу понадобилось не так уж много времени, чтобы оправиться от потери: спустя год он женился.

Так Лидия и два ее брата в одночасье превратились в мачехиных детей, а жизнь в родном доме стала для девушки, мягко говоря, не в радость. Не то чтобы мачеха обижала ее, скорее просто давала понять, что она, Лида, в доме лишняя. Особенно остро это стало чувствоваться, когда девушка закончила школу и подала документы в педагогический. Мачеха поняла, что ей придется делить место главной женщины в доме еще как минимум пять лет.

– Ну вот зачем ей этот институт? – бывало, слышала из-за стены Лида ее разговор с отцом. – Пусть бы лучше работать шла, пользу семье приносила.

– Ну, Катенька, что ты, – без особой уверенности возражал отец, – как же без образования-то?

На что отвечал едкий, как уксус, смех:

– Так замуж выйти образование не поможет.

– Поможет, не поможет – учиться все равно надо, – не сдавался отец. – А замуж – успеется.

А Лида плакала, уткнувшись лицом в вышитую материнскими руками подушку.

Так и шла ее тихая, неяркая молодость.

Чтобы поменьше бывать дома, девушка записывалась то в один кружок, то в другой: кулинарный, походный, вязание, макраме, плетение... Умений прибавлялось, свободного времени – наоборот. Все бы хорошо, да только вот парня достойного Лида никак не встречала. По правде говоря, она согласилась бы уже на любого, лишь бы не чувствовать себя синим чулком среди влюбленных парочек своих однокурсников. Но почему-то никто не обращал на Лиду никакого внимания.

«И что во мне не так? – грустно размышляла девушка, привычно заплетая волосы в толстую косу, свою неизменную прическу еще с детского сада. – Может, худая слишком? Так ведь и Иринка как жердь, но все равно не одна...»

И невдомек ей было, что Иринка, в отличие от нее, была веселой, улыбчивой и просто-душной, поэтому парни и тянулись к ней.

Так и окончила Лидия университет, не познав любви. Да и хорошими друзьями как-то обзавестись не получилось. И одиночество из печалившего обстоятельства превратилось в привычку. Холод, заползший со смертью матери в душу, ужалил и сердце, парализовав, лишив способности испытывать какие-либо чувства.

После университета ее, выпускницу с красным дипломом, тут же определили на место преподавателя географии в одну из местных школ. Строгий, волевой характер, аккуратность – всегда волосок к волоску, – длинная тугая коса, темные костюмы, которым неизменно отдавалось предпочтение, очень подходили новому статусу: ученики, в том числе старшеклассники,

слушались Лидию Степановну и даже немного побаивались. Только одно огорчало молодую женщину: она так и жила в доме отца и мачехи. Квартиру, на которую она так рассчитывала, став учителем, ей почему-то так и не выделили, несмотря на многочисленные обращения в инстанции.

Игоря Лидия повстречала необычно и неожиданно.

Как-то вечером возвращаясь с работы, где засиживалась дольше положенного за проверкой тетрадей, она вдруг обратила внимание на милую парочку, неспешно идущую впереди. Высокий белобрысый парень неуклюже приобнимал за талию тоненькую хихикающую девушку и о чем-то ласково мурлыкал ей в ушко. Девушка не отвечала, только лишь поглаживала руку кавалера. Сама не зная почему, Лидия решила не обгонять влюбленных, хоть те и шли еле-еле.

Нагретый теплым майским днем воздух волшебным образом будоражил кровь и мысли, будто сам бог любви наполнил его своим околдовывающим дыханием. Вечерние тени мягко танцевали вокруг, длинные, грациозные, как темные лебеди на закатном полотне озера. Лида неспешно шла за парой, и сердце ее, вдруг ожившее от прикосновения весны и чужого счастья, тихо, понемногу, оттаивало в груди. Нестерпимо хотелось, чтобы и ее кто-нибудь вот так обнимал, уводя куда-то – куда угодно! – подальше от серости и одиночества, в котором она безрадостно прозябала. Но, конечно же, чуда не случилось: она так и шла одна, с завистью вглядываясь во влюбленных, ловя каждое их движение.

Тут парень ласково провел ладонью по светлым волосам своей подруги и, покраснев, спросил:

– Солнышко, а хочешь, я тебя... ну, это... в парикмахерскую свожу? А? Хочешь?

Девушка кокетливо рассмеялась, тряхнула искрящимися в закатных лучах волосами.

– А тебе чего, Петь, моя прическа не нравится?

– Да нет, что ты... – смутился еще сильнее незадачливый кавалер. – Просто сейчас, вроде, короткие стрижки в моде, мне сеструха говорила. Вот я и подумал... Может, ты хочешь... Сеструхе вот мамка не разрешает, говорит, это все дурацкие заграничные штучки. Косы все плести заставляет, как детсадовку какую.

Девушка вдруг остановилась, повертела в пальцах надоевшие, вечно мешающие и путающиеся пряди, которые и ее заставляли укладывать в косы, и решительно, по-бунтарски, кивнула:

– А давай! Пусть маманя чуток побесится, ей полезно. Новая прическа как раз к джинсам, которые я кое-как у отца выпросила, очень подойдет.

Парень просиял, обнял девушку за плечи и повел в сторону парикмахерской, что находилась в паре домов.

А Лидия осталась стоять столбом посреди медленно погружающейся во мрак аллеи. Пальцы ее нервно теребили кончик толстой аккуратной косы.

Дома она долго изучала свое отражение в зеркале. То распускала, то вновь сплетала красивые каштановые локоны. С самого раннего детства носила она косу, и никогда ей в голову не приходило расстаться с ней или сменить прическу. И везде: в школе, в институте, на работе – все считали ее тем, чем стоит гордиться. Или просто лицемерили?..

– Советская девочка и косички, – говорила когда-то давным-давно, кажется, в другой жизни, ее мать, – это как вишенки и веточка. Вроде бы и без веточки ягода другой не становится, и все-таки, без нее вишню и не нарисуешь. Что выйдет-то? То ли клюква, то ли брусника. Другое дело – с веточкой! Давай заплету.

И в комсомоле Лиду всегда ставили другим девушкам в пример как самую аккуратную, чем она тихо гордилась. А что теперь? Все ее непримечательные ровесницы давно замужем, детей воспитывают, а она, комсомолка, спортсменка и уже начавшая отцветать красавица, бродит по вечерним улицам и завидует чужому счастью.

Лида расплакалась. Сильно, до боли, до тошноты и темных пятен в глазах. Впервые за долгие годы. Рядом ведь все равно только не менее несчастное отражение в зеркале. Успокоилась лишь тогда, когда виски вспорола острая вспышка.

Решение пришло само собой. Лида, стиснув зубы, вытащила из ящика стола большие ножницы. Лезвия хищно блеснули в свете лампы, жадно клацнули. Женщина зажмурилась и жалобно пискнула, когда по ее спине скользнула вниз, по-змеиному изогнувшись, отделившаяся от головы коса. Слушая свое частое прерывистое дыхание, Лида так и стояла перед зеркалом, не открывая глаз и вцепившись в повлажневшие колечки ножниц и будто ожидая чего-то. Но все было по-прежнему. Мир не рухнул. И ощущения не изменились. И Лида, наконец, разлепила склеенные подсохшими слезами ресницы. Избегая встречи с зареванным отражением, торопливо опустила взгляд. Свернувшись ребристым калачиком, у ног ее покоилась коса. На одном конце слабо поблескивала заколка. Точно крупная слеза, одиноко покотившаяся по бледной Лидиной щеке. Не смея выбросить на помойку столь неотъемлемую часть себя, женщина поспешно сунула косу в нижний ящик комода.

На следующий день все знакомые: и ученики, и учителя, даже подслеповатая школьная техничка, – восхищались новой прической Лидии Степановны. Даже директор, случайно встреченный в коридоре, подметил изменения, произошедшие в учителе географии, и одобрительно поиграл густыми бровями, чем несколько смутил женщину. Да она за всю свою жизнь не получала столько внимания и комплиментов, сколько за один этот день! Возвращаясь с работы, Лидия на радостях даже решила заглянуть в магазин модной одежды. Благо, сегодня как раз выдали аванс.

Там-то с ней и заговорил темноглазый и басистый, будто дьякон, мужчина, представившийся Игорем Даниловичем. Сначала Лидия сильно смущалась. Может потому, что он был значительно – лет на пятнадцать – старше. А может, потому что был первым мужчиной, знакомящимся с ней вот так запросто, не из-за каких-либо сближающих обстоятельств вроде общей работы, общего подъезда или чего-то вроде. Причем он явно и с большим интересом разглядывал ее.

Говорили они долго. Сначала о каких-то незначительных мелочах: о погоде, городских новостях, недавно прошедших выборах и театральной программе этого сезона (хотя о последней Лидия знала лишь по рассказам учительницы русского языка и литературы, с которой они часто беседовали в учительской за чашечкой чая). Потом Игорь стал рассказывать о себе. О том, что работает хирургом в больнице, о том, как порой приходится тяжело, ведь от него зависят чужие жизни.

– Напряжение нечеловеческое, – с толикой грусти говорил он, устремив темные, глубокие глаза на внимательно слушающую Лиду. – Бывает, выйду на больничное крыльцо после очередной операции, смотрю на мир вокруг – на небо, деревья, проезжающие мимо машины – и надышаться не могу. Будто не пациента, а самого меня только что с того света вытащили. Сложно объяснить...

Женщина слушала не перебивая, иногда понимающе – хоть понимала и не особо – кивала. Такие люди, как Игорь, всегда вызывали у нее глубочайшее уважение, даже восхищение.

Когда на улице зарыжели полуночники-фонари, Лидия спохватилась о том, что надо бы домой. Неприлично торчать с малознакомым мужчиной в такое время непонятно где. Деловито взглянув на часы и сообщив Игорю, что ей пора, она засобиравшись было уходить, но тот вдруг решительно, будто знал полжизни, остановил ее за локоть. Женщина вспыхнула, но руки не отняла. Игорь смотрел пристально и серьезно, так, будто прямо сейчас собирался сделать предложение.

– Лида, – мягко пробасил он, глядя ей в глаза, – я хотел бы вас попросить кое-о-чем...

Женщина молча ждала, чувствуя, как от волнения или даже страха дрожат колени. Прямо как у ее учениц, когда она вызывала их к доске.

– Лида, – снова заговорил хирург. – Да вы не бойтесь, не бойтесь... Я просто хотел... Оставьте мне, пожалуйста, свой номер телефона. Мне очень хочется еще пообщаться со столь очаровательной девушкой.

Горячая, как самый знойный из дней, волна захлестнула остывшее без человеческого тепла сердце, заставила его плавиться под незнакомым доселе жаром. Забыв обо всем на свете, Лида кивнула, медленно, как во сне. Не потому даже, что Игорь настолько понравился ей, а потому что почувствовала: скоро ее жизнь кардинально изменится.

Игорь позвонил уже на следующий день и пригласил в кафе полакомиться мороженым. Лидия не любила сладостей, но согласилась.

Через три месяца ежедневных встреч они поженились и переехали жить к Игорю.

Тогда Лидии было уже тридцать четыре года. А в следующем году родилась Таисия, хорошенькая пухленькая малышка с темными, как у папы, глазами.

Глава четвертая

Наверное, все боятся смерти. И я не исключение. Поэтому приходится терпеть, не убивать часто. Ведь если поймают, это будет равносильно смерти. Шесть девчонок уже подарили мне свои чудесные, такие разные, косички. За такое парой-тройкой лет тюрьмы точно не отделаешься. За такое платят жизнью. Для меня это дороговато. Поэтому и терплю, хоть с каждым разом дается это все труднее. Потому ли, что я теперь нечто вроде хищника, а девушки – источник моей пищи? Пищи не физической, а духовной, той, без которой жизнь превращается в бессмысленную трату времени. Или потому что... Почему? Вопрос из вопросов. Я ведь вовсе не псих, делаю все вполне осознанно. Хотя кто в наше время может похвастать абсолютным психическим здоровьем?

Тонкая прочная леска невидимой, но надежной нитью укрепляет блестящую под светом настольной лампы косу Дины на черном бархатном ободке. Придирчиво верчу поделку в пальцах, осматривая, все ли ровно, не выбились ли где волоски. Но все идеально, глаз радуется. В магазинах таких вещей не купишь. Но идею мне подарили именно магазинные ободки-косички. И дело вовсе не в прихоти, а в свойственной мне педантичности. Все-таки разбросанные по ящикам косы – это не эстетично. Да и форму наверняка потеряют. Совсем другое дело ободки: и красиво, и удобно тем, что никаких подозрений ни у кого не вызовут.

Готовую поделку бережно пристраиваю на полку, рядом с пятью ее «сестренками». Любуюсь. Теперь можно приступить к другой вещице – к кошельку. Старому, потертому, еще советского пошиба. Его стариковский коричневый цвет всегда вызывал у меня отвращение. Такая штука подошла бы разве что какой-нибудь вздорной бабке, разменявшей восьмой десяток. Выкинуть бы его, но что-то не позволяет. Наверное, детские воспоминания...

Тускло освещенная комната с обоями в цветочек и старым, с мрачноватым лесом, ковром на стене. Мне шесть лет. Я вяло играю, разложив на полу немногочисленные игрушки. За занавешенным белоснежной шторкой окном перебирает яркие, свежие листья, будто тоже играя, молодой апрельский ветер. С улицы доносятся веселые, звонкие голоса. Это ребята нашли какую-то, наверняка очень интересную, забаву. Я горько вздыхаю, строя серые, похожие одна на другую, фигурки солдатиков в длинную шеренгу. Скука смертная... Мама запретила сегодня гулять, сказала, что на улице слишком сыро после ночного дождя и я могу простудиться. Мама строгая, но я слушаюсь ее, потому что она всегда заботится обо мне. Любит меня.

Серые солдаты неуклюже заваливаются набок: слишком унылы и неловки пальцы их большого генерала, мои то есть. Я зеваю во весь рот, когда с улицы доносится оглушительный восторженный визг. Не дозевав, пулей подсакиваю к окну, завистливо тарашусь на подпрыгивающие, размахивающие руками крохотные фигурки товарищей по играм внизу, во дворе. До меня не сразу доходит, что там происходит, а когда, наконец, доходит, восхищение и азарт мгновенно заполняют все мое существо. Ребята кидаются друг в друга, будто играя в снежки, комьями грязи! А верещит так громко раскрасневшийся и взъерошенный Петька: увесистый кашеобразный комок впился ему прямо в лицо! Все ребята заливисто хохочут, а я взволнованно и нетерпеливо подпрыгиваю у окна, обеими руками отталкиваясь от батареи. Мне тоже жутко хочется испытать это дикое, но новое и необычное развлечение. Тут в Петьку летит еще один серо-коричневый снаряд, мальчишка неистово вопит победное «мазила!» и ловко уворачивается. От моего горячего, возбужденного дыхания запотевают стекло, пряча от меня оживленную батальную сцену. С возгласом разочарования, совершенно позабыв мамин запрет, выскакиваю в прихожую, торопливо напяливаю через голову застегнутую куртку, экономя драгоценные секунды, – и туда, в бой!

К своим!

Когда я с криком врезаюсь во «вражескую», состоящую из Генки, Антона и Вики, роту, Петька встречает меня оглушительной победоносной песней: «Смело мы в бой пойдём!» – и мы переходим в наступление.

Сейчас я, конечно, плохо понимаю, что за удовольствие – получать грязевые бомбы в спину, ноги, голову, ощущать, как ледяные струйки воды заползают под куртку, промачивают одежду, но тогда мне было неудержимо весело. До тех пор, пока к дому не подошла мама, вернувшаяся с работы. Сначала она, увидев кучку вопящих, с ног до головы перепачканных ребятишек, даже не признала среди них свое любимое чадо: вся моя рожица, широко улыбающаяся, была темной, как у чертенка, одни лишь глаза радостно горели да белели кривые, еще молочные, зубы. Когда же меня с ужасом признали (скорее по одежде, нежели по лицу), игра наша резко и неприятно оборвалась. Потому что мама, ставшая лицом точь-в-точь как серая стена нашего дома, кошкой подскочила ко мне и молча, сильно ударила коричневым кошельком, который вынула, чтобы достать ключи, прямо мне по лицу, с которого не успела еще соскользнуть счастливая улыбка. Было больно. Очень. На этой в обычное время совсем безобидной штуковине обнаружился не острый, но очень травматичный металлический язычок. И он раз за разом врезался во мгновенно онемевшую – не знаю, от боли или от нестерпимой обиды – щеку. Мать все так же молчала, и от этого унижающего хуже любой брани молчания во мне будто что-то надломилось, какая-то крепкая и обычно гибкая ветка, соединяющая меня с этой женщиной. Странно: слезы, которыми, будто кровью, сочилось мое детское сердце, не смогли прорваться наружу. Одно лишь вымученное, как у больного животного, поскуливание. Так, наверное, скулила бы старая верная собака, которую обычно спокойный и добрый хозяин впервые за долгую общую жизнь избил палкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.